

Реинкарнация
души и тела

Noticed V.

Noticed V.

Реинкарнация души и тела

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69547864

SelfPub; 2023

Аннотация

В повседневной жизни молодого мастера неожиданно появляется необычное существо, настоящий феномен технологий. С этого момента у Вормера, его близких и, в целом, у всего поселения мастеров начинаются перемены, ведущие к великим победам и полному краху бытия.

Содержание

Глава 1 «Магнум и его жители»	4
Глава 2 «Творение»	22
Глава 3 «План грядущего»	27
Глава 4 «Мы творим историю»	47

Noticed V.

Реинкарнация души и тела

Глава 1 «Магнум и его жители»

В назначенное время к мастеру подошел мужчина тучного телосложения – дворецкий графа Совменти:

– Твое время вышло, – обратился тот к молодому парню.

– Все готово, господин, – ответил мастер, плотно закрутив последнюю гайку.

Дворецкий бегло окинул взглядом проделанную работу, достав из кармана своего сюртука кожаный кошель, и высыпал в руку мастеру пять железных ржавых монет настолько низкого достоинства, что они не имели даже герба и, тем не менее, составляли недельный заработок мастера. Заходить в Суммум мастерам запрещено и может караться смертной казнью, однако, обслуживать личные машины элиты очень выгодно. В положении мастеров выбора толком нет.

Вормера вывели из поместья через черный ход, а оттуда уже, прячась в тенях и закоулках, до ближайшего канализационного люка. Этими подземными туннелями и коллекторами усеян весь остров, и мастера подобные Вормеру знают их вдоль и поперек. Ведь, именно благодаря им и некоторым лазейкам, они могут перемещаться между Суммумом и Лу-

тумом, районом мастеров, незаметно.

Сам Лутум похож на один большой промышленный комплекс, где нет нормальных домов для проживания, но сплошь усеян заводами, которые работают в унисон и обеспечивают проживающую в Суммуме элиту. Это беднейший район, в котором проживают около полутора тысяч мастеров: от чахлах стариков до совсем «молодых-зеленых». У них всех одна обязанность – служить и работать на благо Канцлера Ягенрада, ведь именно он ведет народ к светлому будущему. Но, к сожалению, это будущее доступно только аристократии Суммума. Ежели это не так, тогда почему мастеров вынудили выживать в нищете и не поднимать головы, а после прошедшей попытки восстания в 1495 году и вообще сравнивали с рабами. Отцы нынешнего поколения мастеров боролись за свободу и жизнь, но, увы, создали им жизнь совершенно бесправных людей служащих своему хозяину. А при попытке бегства мастеров настигает смерть, ведь вокруг острова, на воде, в неизвестных для обычных людей местах, стоят турели, открывающие огонь, если вдруг нарушиться порядок со стороны Лутума. Но нельзя отрицать, что из сотни убитых беглецов несколько все-таки удалось сбежать. Эти мастера прячутся в разных уголках мира и живут спокойной жизнью. Они наверняка вспоминают свою родину не самыми приятными словами. Это огромная система, в которой, по умолчанию, всегда будут существовать нищие и бесправные и хозяева жизни, построившие этот мир и считаю-

щие, что вправе распоряжаться судьбами каждого человека и решать, кто выживет, а кто нет.

Эта система жизни и существования расположена на Магнуме, небольшом затерянном островке, окруженном Атлантическим океаном, перпендикулярно Ирландии. Эта земля никому не принадлежит и никто из внешнего мира не знает о его существовании, беглецы и «предатели» не заикаются о своем месте происхождения, для них это как страшный сон, людям остального света нет причины, по крайней мере пока, заплывать в глубь океана. Хотя даже если бы и проплывали мимо, вряд ли заметили бы Магнум, настолько он мал и к тому же, можно сказать, спрятан. Ведь этот остров с довольно необычной местностью.

Сырые болота и торфяники переходят в темный густой лес, а за ним расположена долина окруженная холмами и горами. И со стороны океана видны только те самые трясины, а они почти всегда погружены в дым от горящего торфа, из-за чего их и не видно. Увы, так и получается, что мастера, простые люди, живут буквально внизу, в этих отвратительных условиях. А город людей высокого происхождения как раз расположен в той долине.

На территорию своего района Вормер пришел уже ночью. Стоило парню вылезти из подземного хода наружу, как в нос ударил запах гари смешанный с сырым противным воздухом. Вечно пасмурное небо часто изливалось на Лутум ржавыми дождями с кислотным запахом. В тот день еще и на узкие

улочки опустился тот самый туман, который прячет их город. Вот только не нормально то, что он бурого цвета. Его цвет говорит о наличии каких-то примесей. Это природное явление опасно – это знают все мастера, потому стараются как можно быстрее спрятаться у себя. К слову, мастера живут под землей в «улье» – это небольшие убогие жилища, связанные небольшими коридорами и имеющие 20 входов в разные сектора. Воздух туда поступает через вентиляционные отверстия находящиеся в лесу, там, где более – менее чистый воздух, на поверхности нормально существовать невозможно.

К одному из таких входов спешно пошел Вормер, стараясь лишний раз не шоркать ногами по земле, чтобы не поднимать сантиметровой слой железной пыли и сажи – и так дышать не чем. По дороге к своему жилищу он не заметил ничего особенного для своего города. Все те же молчаливые люди, с уставлыми серыми лицами и пустыми глазами. Те же паровые машины, исполняющие свои функции. Из-за них в городе постоянно стоял гул, грохот скрежет шестеренок – они ходят наравне с мастерами, такие же рабы.

Рядом с «ульем» их, как правило, нет, а вот на территориях заводов или недалеко от них частенько можно встретить целые картежи медных «фермеров», которые, скрепя колесом, на грязных от сырой земли культяпках, похожих на костыли, несут в корзинах свежесобранный урожай с полуза-топленных полей в комплексы пищевой промышленности.

Или как паукообразные оловянные «шахтовики» со стальными бурами вылезают из пещер с полными клешнями руды и после выкладывают ее в небольшие вагонетки, которые доставляют их на предприятия по обработке. И эти два примера вообще ничто. Лутум производит огромное количество разнообразных паровых машин и механизмов, с которыми мастера сталкиваются еще с младенчества. Невозможно найти человека, чье детство было бы без воспоминаний о запахе машинного масла и горячего антрацита. Когда ребенок ходил по узким улицами, то наблюдал проходящие мимо него огромные и совсем крошечные, механические, пневматические и гидравлические машины со стальными эндоскелетами, медными шестеренками, поршнями и приводами, чугунными паровыми печами, латунными трубами, и алюминиевыми и бронзовыми корпусами. От них исходил обжигающий пар, а сплавленные маски лиц оживлял желтый свет от ламп накаливания, которые работали на самых простецких паровых турбинах. По истине, открытие такого источника энергии как электричество – огромное достижение мастеров, жаль только, что не поддавшееся дальнейшему развитию. В маленьком возрасте это и вовсе воспринималось, как чудо. В общем, их детство насквозь пропитано изучением паровых механизмов и плотным контактом с необыкновенными машинами. Там серьезно оживало воображение. Была составлена даже большая энциклопедия со всеми ними. Это главная книга мастеров, которую они все выучивают

до четырнадцати лет. Но уже около века не происходит никакого развития, все встало. Да и чем старше становишься, тем сильнее начинаешь воспринимать все это, как великое мастерство и гениальность чьего-то ума. Сейчас максимум, что могут сделать мастера, немного усовершенствовать то, что уже давно создано, хотя и сейчас этого больше не делают. Они истощены как никогда.

Вскоре туман начал сгущаться, образовывая непроглядные стены, сквозь которые тяжело было увидеть даже свет немногочисленных фонарей, стоявших рядом со входами в «улей». Токсичный туман сопровождался едким, кислым запахом, обжигаящим и высушивающим носоглотку.

Во избежание получения львиной дозы яда, Вормер закрыл нос и рот высоким воротником своего старого потертого кожаного плаща. Тот был ему не по размеру и после революции чудом достался молодому мастеру еще даже от деда. В его семье все мужчины были могучими и широкоплечими, однако Вормер унаследовал лишь высокий рост. Сам по себе он довольно худощавый, а карие глаза и светло-каштановые растрепанные волосы – единственное, что выделялось на его белесо – бледной коже. Такой внешний вид не был необычным у мастеров. Эти люди всегда имели болезненный вид, особенно нынешнее поколения. Это обусловлено плохим климатом, ужасными условиями для выживания и голодным детством.

Подойдя ко входу в свой сектор, Вормер увидел как масте-

ра, образовав небольшие столпотворения, спешно выходят из своих жилищ, также пряча нос и рот от тумана в воротники. Эти стеклянные глаза, смотрящие в никуда, заторможенные действия и полное отсутствие реакции на окружающий мир. Эти люди больше похожи на тех сёрвусов, которые беспрекословно служат элите и одного из которых ремонтировал сегодня Вормер. Это мастера, работающие ночью, но, не смотря на то, что отсыпаются целый день, все равно постоянно уставшие, увы, эти люди даже живут недолго, но власть это не волнует, их никогда не волнует.

Они даже не заметили рядом проходящего Вормера, и никак не отреагировали: «Бедные люди. Можно ли им еще помочь?» – подумал про себя парень, окинув их сочувствующим взглядом.

Войдя в нужную дверь, снизу лестницы, из глубины «улья», повеял сквозняк, и парня окутало холодом, но здесь хоть более-менее дышать можно. Все подземные ходы освещались тусклыми масляными лампами, создавая некоторую игру теней на сырых земляных стенах, покрытых глиной в некоторых местах. Там, где была хрупкая порода, встречались деревянные подпорки, однако, это не всегда спасало от обвалов, особенно в дождливые дни. Подобные завалы разгребали дети до 12 лет, которые еще не могут работать с машинами и только учатся. Это главное правило, вбитое мастерам в голову «сверху», каждый должен работать и заниматься делом, все во благо светлого будущего. В этих ходах,

безусловно, есть некоторая пугающая атмосфера, но в то же время, уют и тишина, все-таки это их дом, в котором выросло не одно поколение. А когда «улей» полон народу, создается ощущение безопасности, этих людей много что связывает, поэтому они живут довольно дружно и сплоченно, помогают друг другу. Здесь Вормер смог спокойно отдышаться, идя в свою ветхую комнату.

Однако туда мастер так и не дошел, ведь завернув за угол, его резко одернул человек. От неожиданности Вормер вздрогнул и обернулся, но испуг тут же испарился, когда он увидел мастера стоявшего позади – молодой парень в плаще и цилиндре, с черными кудрявыми волосами до плеч, небольшими усами и короткой бородой. Это Ноки, старый верный друг Вормера. Вместе росли, учились на заводах и выживали в тяжелое время без родителей. Очень энергичный и оптимистичный человек, в любой ситуации старается искать плюсы. Но иногда, бывает безрассудным, в отличие от постоянно серьезного и расчетливого, хотя и вечно сомневающегося, Вормера.

– Давно не виделись, друг мой, – улыбаясь поздоровался Ноки. Его голос, как в большинстве случаев, звучал расслаблено и тихо, как будто сел, хотя это всего лишь его особенность.

– И тебе добрый вечер, – ответил Вормер своим все время равнодушным и монотонным голосом.

– Как поживаешь, как день прошел?

– Как обычно, ничего нового.

– А вот у меня есть кое-что новое.

Ноки тут же достал из внутреннего кармана плаща две небольшие и всячески украшенные бутылки, по форме похожие на фляги, наполненные каким-то напитком. Было сразу понятно, что это попало сюда из Суммума.

– Что это, вернее, где ты это взял? – поинтересовался Вормер.

– Сегодня к нам в ремонтный цех поступил сёрвус от аристократии, я его начал разбирать и осматривать, а там за корпусом нашел эту заначку. До сих пор самому не веритья, – говорил он, рассматривая содержимое одной из бутылок на свет, – не знаю что это, но явно что-то дорогое, уж точно для нас.

– И ты их, конечно же, взял. Не боишься, что заметят хозяева.

– Я тебя умоляю! Если бы они помнили о своем, то забрали бы, а так им все равно. И, если что, скорей всего все повалят на зрителей с перевалочного пункта.

Ноки без труда вытащил пробки из бутылок, и из их горлышек повалили небольшие газовые облака.

– Бери, не стесняйся, – сказал мастер, протягивая напиток другу.

Вормер не стал отказываться от угощения, но и не торопился его пить, хотя Ноки уже сделал два добрых глотка этого темно-фиолетового пойла. Судя по ягодному запаху, это

было какое-то вино.

– Это алкоголь, но не крепкий. Только расслабишься, не опьянеешь.

Вормера позабавило высказывание этого горе – сомелье, но он решил довериться его мнению.

Вскоре они разговорились, и Ноки рассказал, что после обвала в «улье», появилось огромное свободное пространство похожее на зал. Он хотел показать это место другу. Вормер не понимал зачем, что там может быть такого особенного, но Ноки сильно на этом настаивал, поэтому мастер согласился.

– Далеко еще? – поинтересовался Вормер.

– Нет, почти пришли. Слушай, я смотрю ты не особо много выпил, не понравилось?

– Я просто хочу немного оставить. Не каждый день такое все-таки, – сказал парень, закрыв бутылку пробкой и аккуратно убрав ее в свою сумку с инструментами.

– Ну да, понимаю... А вот было бы хорошо, если бы нам не приходилось экономить, иметь возможности и жить спокойно.

Эти слова заставили Вормера встрепенуться и начать серьезно вслушиваться в каждое предложение друга. Но по дороге к тому месту мастера шли в тишине, хотя Ноки явно что-то не договаривал и сгорал от нетерпения, это было видно по его постоянно меняющемуся выражению лица.

– Мы пришли, – сказал Ноки.

Впереди был вход, больше похожий на проем в шахту, ведущий в отдельное помещение.

– Слушай, Вормер, я там повесил пару масляных ламп. У тебя же есть зажигалка, зажги.

Мастер достал из кармана старую потертую зажигалку, на который был изображен герб Суммума. Она ему досталась несколько лет назад в качестве оплаты у одного жадного барона. Зажигалка неразборная – заправить ее нельзя, поэтому работает она уже еле – еле, но Вормер не из тех, кто разбрасывается вещами, даже уже неработающими, так что вскоре найдет ей применение.

Когда несколько десятков самодельных ламп были зажжены, можно было в полной мере оценить масштаб подземного зала. По размерам он схож с каким-нибудь крупным цехом, от каждого слова раздается эхо, а от земляных стен веет холодом и сыростью.

– Вау! Выглядит многообещающе, – удивленно сказал Вормер, – без преувеличений, сюда бы поместились все мастера!

– И я о том же, – вмешался Ноки, – это место могло бы идеально подойти для каких-нибудь собраний или...

– Хватит, – резко перебил его Вормер, с первой же фразы заподозрив его намерения.

– Ты чего?

– Сам знаешь, и вообще, у нас договор. Мы зареклись не

поднимать эту тему еще 10 лет назад.

– Я знаю, и я терпеливо жил эти 10 лет и молчал. Жил по законам и правилам, навязанным теми, кто загнал всех нас, обычных людей, сюда в трущобы и нищету, сделал рабами и лишил всего, даже наших семей! – его возмущенный и озлобленный голос эхом разнесся по залу. Тяжело отдышавшись, выпустив пар, он продолжал. – И знаешь что самое странное, почему об этом говорю я и тем более тебе. Ты, сын Фортиса Цертамена – предводителя революции, ведущего за собой народ. И ты, обладатель такой фамилии, продолжаешь служить этой кровожадной знати?!

– Ты не смеешь осуждать меня за то, что я не такой горячей крови как мой отец! То восстание привело лишь к огромным жертвам и к полному бесправию нового поколения... Я может очень хотел бы быть похожим на него, но я еще тогда смог понять, что эта победа нам не по зубам. Ни ты, ни я, никто не в силах пережить это все снова, все последствия, сопровождающие революции. А ведь мы еще тогда, в силу возраста, видели малую часть...

Этот разговор ввел мастеров в тупик. В тишине подземного зала были слышны лишь собственные мысли, и в памяти всплывали, как фотографии, моменты из их, особенно послереволюционной, жизни. Это время, когда человеческая жизнь ничего не стоит, когда восприятие важнее правды, не знаешь чему и кому верить, и когда люди показывают свою настоящую «смелость», тогда появилось очень много

беглецов. Революция – время больших и страшных потерь. И особенно страшно становиться, когда приходится выбирать между целью, ведущей к всеобщему благу, и своим близким или родным, который вдруг оказался предателем и трусом. Это было тяжело и физически и морально, те годы стали самыми суровыми. Но еще хуже были дела после революции. Сотни сирот, оставшихся без средств к существованию и видевших настоящий кошмар и смерть. Для их поколения осталось очень мрачное наследие. Многие обвиняли свои семьи в том, что они устроили гражданскую войну и тем самым бросили своих детей на произвол судьбы, хотя в глубине души понимали, что их родители хотели как лучше, за них же боролись, за их будущее и свободу. Никто не знал, что получится вот так. Очень много ребят не пережили голода и холода, кто-то же вообще загнулся от горя и безысходности и сгинул под давлением Суммума.

– Ладно.... Свидимся еще, – пробормотал Вормер.

В ответ Ноки лишь ему кивнул, и Вормер быстрым шагом пошел к своей комнате, потупив взгляд. Настроение полностью испортилось, и в голову лезли навязчивые дурные мысли. Глупо было отрицать все эти проблемы и это полное состояние безысходности и отчаяния, в которое удалось вогнать всех мастеров. Люди росли с этой мыслью, что они всего лишь «обслуживающий персонал», и любые попытки что-то решить приведут к еще большей крови.

На стороне Суммума не столько людей сколько машин.

Парадокс: творения мастеров теперь идут против своих создателей и служат их заклятым врагам. За безопасность Суммума и ее элиты во главе с Канцлером отвечают Боевые сёрвусы:

«Стражники» – бипедальные четырехметровые паровые машины с человекоподобным эндоскелетом, сносящие все на своем пути огромной физической силой, именно ими были снесены все базы и постройки повстанцев. Они также являются сторожами границ Суммума. Об их приближении свидетельствует трясущаяся земля, грохот трущихся друг о друга шестеренок и оглушительных вой, создаваемый паром, вырывающимся под огромным давлением из труб.

«Пехота» – паровые сёрвусы, ростом 1.8 метра, созданные для сражений непосредственно с людьми. На их плечах, чуть выше головы, расположены два двуствольных ружья для дальнего боя, а вместо кистей рук – острые длинные кинжалы для ближнего боя. Их приход изначально можно принять за роту солдат, бегущих в бой. Но по мере приближения уже становится понятно, кто это. Появляется запах горелого, вдали начинают виднеться огоньки теплого желтого света, а с каждым их шагом все громче становится лязг ножей, и над головой начинают свистеть пули.

Разумеется, в борьбе человека с машиной, победят машины. Это еще не считая турелей, расставленных по всему городу.

Повернув старый ключ по часовой стрелке, дверь в лачу-

гу мастера, с неприятным скрипом, открылась. Его комната была небольшой и поделена на две части самодельной ширмой. Проходя к себе, Вормер краем глаза заглянул в часть комнаты сестры.

– Снова... – раздраженно прошипел Вормер.

Печальное настроение мастера сменилось злостью, ведь в очередной раз его младшая сестра целый день прохлаждалась без дела. Вормер взглянул на часы – второй час ночи, и про себя пообещал дождаться и серьезно поговорить с ней.

Пока что, он снял с себя верхнюю одежду и сел за рабочий стол. В его часть комнаты входят: стол с масляной лампой, небольшой покореженный шкаф, полки и старая скрипучая тахта. Мастер начал полировать и собирать в единый механизм все найденные им ненужные детали и металлолом. В этом занятии нет какой-либо цели, здесь важен процесс – если он доставляет удовольствие, то и результат в виде аккуратно собранных красивых механизмов будет на лицо. Одним словом, мастер вкладывает в эти простецкие детали настроение и душу. Все его творения аккуратно сложены на полках в углу. Он часами может рассматривать их. Казалось бы, абсолютно бесполезные движки и шестерные механизмы, но Вормер, глядя на них, может вспомнить, что испытывал и чувствовал когда собирал их, это как медитация. У каждого человека есть свои странные увлечения, вот у него такое, к тому же, не требующее денежных затрат.

Через полчаса раздался хлопок входной двери, и послы-

шался звук торопливого закрывания замка. Вормер, только услышав это, сразу встал из-за стола и направился к источнику звука. Выглянув из своей каморки, он увидел сестру, заходившую в свою часть комнаты.

– Кассель, – позвал ее Вормер.

Она остановилась и развернулась лицом к старшему брату. Это была девчонка шестнадцати лет с зелеными глазами и светло-русыми волосами, убранными в хвост. Она была ниже Вормера чуть больше чем на голову – уменьшенная копия их матери. Кассель унаследовала ее форму лица с острыми выпирающими скулами и угловатую худую фигуру.

– Привет, Вормер, – сказала она.

Девушка неспешно подошла к брату, старательно пряча за спиной инкурват и смычок – это музыкальный инструмент с четырьмя струнами, напоминающий скрипку, который был создан самой девушкой. Также из ее наплечной сумки торчали тонкие деревянные дощечки, на которых углем были написаны ноты.

– И тебе добрый вечер, ты где была?

– Дела у меня были...

– Неужели, и что это за дела такие, с раннего утра до поздней ночи?

– Да я просто...

– Опять музыка, – насупился Вормер.

– Ты так об этом говоришь, как будто я совершила какое-то страшное преступление. Почему я не могу занимать-

ся тем, что мне нравится? – возмутилась Кассель, – что если я не хочу быть мастером?!

– Значит, останешься без крыши над головой! Ты уже не маленькая девочка, и кормить второй рот я не собираюсь! – сорвался он на сестру.

Для мастера каждый грош на счету и его злило такое легкомысленное отношение к труду.

– Но музыка такая же работа! И если я в этом плане отличаюсь своими взглядами, значит, я буду их защищать. Делай что хочешь Ворм, но мастером я никогда не буду! – вскрикнула Кассель и захлопнула ширму, перекрыв вход в свою часть комнаты.

Вормер еще минуты две стоял рядом с входной дверью и закрытым проходом в каморку Кассель, затем, чувствуя себя виноватым, пошел к себе. Очередная ссора с сестрой, опять «из пустого в порожнее». И так почти каждый день, и каждый раз после препирательств Вормер задавал себе лишь один вопрос: «Почему у нас никогда не получается нормального разговора?». Но он понимал, почему и ненавидел в себе эту черту характера, которая проявлялась в разговорах, подобно сегодняшнему с Ноки.

Как бы сильно он не старался быть серьезным и благоразумным, как его отец, Вормер слаб. Он не крепкий ни духом, ни телом. Выплескивает все свои страхи и эмоции на близких людей, обижая их. Все эти мысли преследуют его изо дня в день. И чем дальше, тем больше его желание, наконец,

избавиться от своих недостатков и сомнений, портящих ему жизнь, и оправдать, хоть хиленькие, но ожидания, которые возникают у мастеров при виде старшего Цертамена. И сейчас, у него было такое желание. Вормеру казалось, что именно сейчас, как никогда, все плохо, и настал край. Либо же его так ломала усталость. Скорей всего второе, так как, попытавшись отвлечься за своим занятием, он уснул прямо за столом

Глава 2 «Творение»

Разбудил мастера рано утром монотонный металлический стук о стену и треск вращающихся шестеренок. Спросонья он приоткрыл глаза и, с трудом повернув затекшую шею в сторону источника звука, тут же проснулся. В том углу, где раньше лежали запчасти, и механизмы теперь стояло перекоженное нечто. Опершись руками о стены оно, согнувшись, скрипело и пытело. Его вдохи были похожи на скрежет открывающейся ржавой металлической двери: тяжелые и пугающие, от них мороз шел по коже. А тело – детали, созданные Вормером. Они соединились в отдельную машину самостоятельно, и это тело до сих пор приобретает форму. Сон как рукой сняло, мастер от неожиданности дернулся и упал со стула, забившись в дальний угол и не отводя взгляда от этого нечто. Тут, оно резко повернуло свою недо-голову, и сквозь огромные щели засиял белый холодный свет. Два огонька, направленные в сторону Вормера. Тот же стоял и боялся шевелиться.

– Помоги..., – неожиданно заговорило то создание, – Создатель....

Голос существа больше напоминал набор звуков работающих станков – дребезжащий и тяжелый, а речь казалась невнятной и механической, которую невозможно было даже близко ассоциировать с человеческой, и было слышно, как

каждое слово дается ему с трудом.

Оно еще издало несколько звуков, а затем с грохотом рухнуло в углу, сложившись в груды металла, издавая еле слышные стоны. Вормер же просто стоял в комнате в полном непонимании происходящего. Чувства с бешеной скоростью менялись от страха и ужаса до любопытства и удивления, но он старался не дать эмоциям взять вверх над разумом. Он осмелился предположить, что, то существо в данный момент и в таком состоянии более-менее безобидно, поэтому решился на контакт с ним.

– Эй..., – сказал мастер, – кто ты или... Что ты такое?

Как бы сильно Вормер не старался быть уверенным и спокойным, дрожь в его голосе выдавала тот дикий ужас, который он испытывал, смотря на то, чего не может быть.

Оно откликнулось на голос парня хриплым и тихим рычанием и вновь подняло голову. Вормер опустился на пол, чтобы быть с ним на одном уровне и смог в деталях рассмотреть лицо этого непонятого явления. Вся его голова состояла из маленьких шестеренок и пружин, почти полностью спрятанных за алюминиевыми, сплавленными в маску, пластинами, спереди образующими заостренный птичий клюв, а сзади сходящимися в хребет из железных трубок и острых медных пластинок. Из-под клюва виднелась челюсть – острые гвозди которой имитировали клыки. Больше всего выделялись те светящиеся белые глаза.

Сделав два тяжелых вдоха, оно вновь заговорило:

– Помоги мне...

– К-как тебе помочь, и вообще... Ты кто?

– Ты создал меня, ты подарил мне жизнь, – тут оно со скрежетом приподнялось и предоставило обзору часть грудной клетки, затем культияпкой указало на разорванный корпус слева, откуда сиял такой же белый свет, – я часть твоей души...

Последние слова показались Вормеру безумными. И в тот момент он решил, что это либо сон, либо галлюцинации, может от того же тумана, который был вчера.

– Это все просто какой-то бред, – пробормотал мастер, параллельно шлепая себя по щекам и протирая глаза, – да того просто не может быть, это невозможно... Как?!

– Любовь к своему делу творит чудеса, не так ли? – прохрипел он, – не думаю, что существуют более понятные объяснения, те механизмы... Ты делал их, вкладывая крупницы души, и сейчас перед тобой представлено твое творение – целостное и живое, Создатель.

– Ну, я так понимаю, не верить, смысла нет. Но чего ты хочешь и зачем ты здесь?

– Я отдельное Сознание, существующее с первой шестерни, в которую ты вложил часть души, но у меня есть твои воспоминания. Я знаю твою боль: ты потерял свою семью и свободу. И ты боишься наихудшего, переживаешь за сестру.

Вормера удивили эти слов – откуда это нечто знает о таких вещах? Уже не было сомнений в реальности происходящего,

а лишь огромное количество вопросов.

– Ты... Ты, кажется, просил меня о помощи? – спросил его мастер.

– Помоги мне собрать мое тело, я пытался сам, но оно не устойчиво.

Вормер потратил целый день на надежную сборку его тела. В итоге эта непонятная конструкция из груды металлолома превратилась в двухметровую человекоподобную машину. Его задние конечности были двупалыми с большими железными когтями, а изгиб коленей назад роднил его с животным. Передние же были человеческими по строению, пятипалыми, но отличались наличием тех же острых когтей. Экзоскелет был массивным и прочным, но в то же время мобильным и гибким. По окончании работы творение начало привыкать к своей форме и двигаться, испытывая шарниры и пружины.

– Слушай, – обратился Вормер к нему, – я знаю, что нужно о многом поговорить, особенно мне, но я предпочту это делать не вдвоем.

– Я буду ждать здесь.

Вормер кивнул и ринулся к выходу и заодно заглянул к сестре. Там ничего необычного: вся каморка забита с потолка до пола страницами и деревянными дощечками с нотами, весь рабочий стол испачкан углем для письма, а под тахтой валялись струны и различные вещи для настройки инкурвата. Кассель же не было. Она ушла раньше того, когда

проснулся Вормер. После подобных ссор она всегда пропадает и, как правило, надолго. Но сейчас это было даже на руку, ведь с самого детства у нее была странная реакция на сёрвусов, да и вообще на неестественно движущиеся машины – от неприязни и отвращения до паники и ужаса. Страшно представить, как бы она отреагировала на это творение, созданное Вормером.

Глава 3 «План грядущего»

Выйдя из комнаты, мастер закрыл дверь на ключ и чуть ли не бегом направился к Ноки. Уже двенадцать ночи и друг должен быть у себя. Он единственный, кому можно доверить его ситуацию. Они жили в одном секторе, недалеко друг от друга, поэтому уже через пятнадцать минут мастер активно стучался в дверь друга, зовя его:

– Ноки, Ноки! Это я, открой!

Через пару минут дверь открылась, и на пороге стоял уставший мастер.

– Вормер? Ты чего здесь? Случилось что?

– Да, и ты даже не представляешь что. Пошли.

– Куда? Что с тобой? Ты какой-то весь взъерошенный.

– Ты бы и не таким был, когда увидел бы его, – сказал

Вормер, потянув за рукав.

– Эй, полегче! Да кого его?!

– Сам все увидишь, пошли, пожалуйста.

Ноки понял, что лучше не спорить и сделать так, как просит друг. Тем более он был чем-то сильно взволнован, что для него неестественно.

Они как можно быстрее шли к комнате, в которой осталось то нечто. Ноки еле-еле успевал за Вормером, тот же почти бежал: его руки тряслись от волнения, а сердце бешено стучало, отдавая в виски. Все это время они молчали, даже

не пересекались взглядами.

– Ворм, если это из-за вчерашнего, то мне жаль...

– Забудем про это, сейчас другое, – сказал мастер, уже открывая дверь в свою комнату.

– А Кассель у себя?

– Нет, – сказал тот, – заходи.

Вошедших парней поприветствовал то загадочное существо, ловко проскользнувшее по полу на четвереньках из угла каморки к мастерам, возвышаясь и нависая над ними. Вормер лишь с недоумением посмотрел на него, приподняв одну бровь, пока Ноки стоял с широко раскрытыми глазами и немного приоткрытым ртом.

– Это ты? – обратилась машина, к другу Вормера, чуть наклонившись, – ты – Ноки Миртрай?

– Угу, – утвердительно кивнул мастер, состояние которого от шока уже перешло в любопытство, – Вормер, почему ты мне не рассказывал, что у тебя живет какой-то необычный сёрвус?

– Потому что я только сегодня с ним встретился, балда, – ответил ему Вормер, – ты думаешь, я бы не сказал тебе?

– Да кто тебя знает... – прошептал с издевкой, парень.

– Я так понимаю, – вмешалось существо, – сейчас самое время мне говорить.

Сейчас он рассказывал о себе целенаправленно для Ноки, как будто это было очень важно для машины. Мастер внимательно выслушивал его, только в отличие от друга не за-

давался лишними вопросами о реальности происходящего и вообще насколько это явление возможно. У него сразу же назрели другие мысли.

– Получается ты – настоящая одушевленная машина, творение своего создателя, которое осознает себя и, возможно, обладает какими-то необычными способностями, я прав? – спросил Ноки.

– М-м-м, убери из своего определения «возможно» и ты прав, – ответил он.

– Вау! Вормер, ты только представь, что мы можем сотворить!

– Что? Что ты имеешь в виду?

– Разве не ясно? Масштабный государственный переворот, который войдет в историю навсегда!

– Ты опять...

– Нет, – неожиданно перебило их творение, – Миртрай прав. Это та причина, по которой я здесь, стою перед тобой, Создатель. Я хочу помочь и поспособствовать вашей нормальной жизни.

– Дружище, это шанс, – сказал Ноки, положив руку на плечо мастеру.

В ответ мастер окинул его безумным взглядом, будто ненормального увидел. Схватил Ноки под руку и отвел его в дальний угол.

– Прошу прощения, нам тут нужно кое-что обсудить, – обернувшись, обратился Вормер к существу. То же, ничего

не сказав, отошло в сторону и повернулось к стене, дав мастерам поговорить наедине.

– Ты чего? – с непониманием спросил Ноки.

– «Чего?!» Ты только увидел и разговаривал с каким-то паранормальным нечто, еще ни черта о нем не знаешь, и первое, что приходит тебе в голову это использовать его в революции?! Ты в своем уме?! – вполголоса с возмущением промолвил Вормер.

– Я, то тут причем? Он... оно само подтвердило мои идеи и согласилось помочь.

– И ты так просто веришь? Ноки это максимально глупо. Эта аномалия, которую ты даже не хочешь попробовать изучить и понять, а сразу использовать, еще и в таком серьезном деле, как революция?

– Ты преувеличиваешь.

– Нет, ни разу. Приятель, нельзя в этом случае просто «потреблять», не тот случай. Нужно во всем разобраться.

Еще давно у мастеров была философия «потребления» и «усвоения». В ней понятие «потреблять» – означает безрасходно использовать аномальные явления или новые разработки в корыстных и личных целях, подвергая окружающую среду опасности. Не проводя при этом никаких экспериментов и исследований. Такие поступки, как правило, заканчивались катастрофами или, если повезет, простыми авариями. «Усваивать» же означает, что при нахождении какой-то аномалии или нового неизученного явления происходит об-

ширный сбор данных, узнают и собирают информацию, как могут, и чем больше, тем лучше. Потом проводятся различные испытания, под чутким руководством, и только после этого можно рассматривать применение того или иного в каких-то личных целях, возможно в повседневной жизни. Да, это занимает огромное количество времени и ресурсов, и это очень неудобно в экстренных случаях. Однако это все равно лучше, чем эти неоправданные риски.

Предки ведь не дураки были, все понимали и осознавали. Эта философия помогала им во многих случаях. Они старались придерживаться правила «усвоения» в любом случае, а если не получалось, пытались правильно и аккуратно «потреблять». Этому они обучали своих детей много поколений, но до нынешних мастеров это почти не дошло. Перестала появляться необходимость в чем-то новом, и эта философия стала не более, чем просто словами. Хотя кто-то ее до сих пор помнит, в том числе и Вормер.

– Ну ты вспомнил. . . . У нас будет время понять конкретно, что это за существо. Согласись, во время тех же войн сразу видно, что из себя на самом деле представляет каждый. Это существо очень похоже на человека, оно разумно, осознает себя, а главное, что оно здесь, чтобы помочь. Вормер, давай, решайся. Сам знаешь, так больше продолжаться не может, и хотя бы ради сестры переступи через себя.

Тут Вормер призадумался, потупив взгляд: с одной стороны сомнения и страх неизвестного, со стороны Суммума

и, видимо, нового союзника, а с другой действительно светлое будущее и победа. И посередине расположился тот самый риск, на который стоит ли решаться. В голове вновь начали всплывать воспоминания, а вместе с ними и неожиданно злость и желание мести, такого он не испытывал уже давно, почему сейчас? Может это из-за какой – никакой уверенности в этом необычном союзнике, машина ведь гораздо эффективней в бою. Впервые за последние десять лет он почувствовал надежду, и, в купе с предыдущими факторами, неуверенность и опасения притупились, и мастер сделал свой выбор.

– Ладно, я согласен, – сказал Вормер, повернувшись и обратившись в том числе и к машине.

– Отлично! – восторженно сказал мастер.

– Но только, как мы пойдем на целый Суммум, с одним подобным творением?

– С Лафарантом, – сказал Ноки.

– С кем?

– Пусть, эти одушевленные машины будут зваться лафарантами. Ты не против? – спросил он, обратившись к существу.

– Хм, нет, не против, – призадумавшись, ответил он, – и я даже готов показать их, «лафарантов». Для этого, Ноки, у тебя есть вещь, с которой связана часть твоей жизни и которая много значит для тебя?

– Ну да, есть.

– Принеси ее, если возможно.

– Возможно, хорошо.

Мастер отправился в свою комнату, и как только Вормер проводил его до выхода из своей лачуги и закрыл дверь, сразу же пошел к существу с разговором.

– Скажи мне, – начал он, – какого черта, ты ответил на мой вопрос: «Зачем ты здесь?», только при Ноки, и ничуть не скромничал при нем, а даже наоборот, был за то что бы он познакомился с тобой?

– А ты так и не понял, Создатель? Если бы я начал говорить с тобой на эту тему, ты бы меня и слушать не стал, а мне нужен был человек, который на сто процентов готов на этот решительный шаг. Увы, ты все еще не можешь посмотреть прошлому в глаза, а затем, научившись на его ошибках, ринуться в светлое будущее. Ты и сейчас сомневался, и готов был отговорить друга.

Вормера немного смутили последние слова. Вряд ли он их услышал, парни говорили довольно тихо и на хорошем расстоянии. Однако после того, как этот лафарант рассказал о нем то, чего не мог знать – о его чувствах и желаниях, он предположил, что в его творении находится та часть души, которой очень хотелось свободы и процветания, и счастья для всех мастеров, особенно для близких. И что оно наверняка имеет какую-то связь с Вормером.

– А что насчет того «возможно»? Что это значит?

– За все время моего существования, я тебе уже говорил, с

какого момента я существую, а это лет девять-десять, я изучал и думал о самом себе, пытался познать свои возможности, и чтобы это получалось лучше и быстрее, я иногда смотрел на ваш мир.

– Как?

– Твоими глазами.

Тут у мастера сердце застучало быстрее, и он тяжело сглотнул слюну.

– И как ты это делал? – тревожно спросил парень.

– Очевидно мы связаны. Считай я был твоей тенью, ты ведь даже этого не чувствовал, не так ли?

Вормер лишь кивнул в ответ, теперь мастер понял, как оно узнало, о чем был его разговор с Ноки. Затем парень продолжил:

– Свои способности ты в себе открыл тоже в «разобранном виде»? Что они из себя представляют?

– Не так много на самом деле. Они обусловлены у меня тем, что мое сознание и часть души находится в этой металлической оболочке, и с самого начала были в ней. Ну, а силы ты вскоре сам увидишь.

Вормера напрягали такие объяснения, что значит: «сам увидишь». Никакой конкретики, это даже немного подозрительно, хотя спасибо и на том, что он объяснил, почему они есть у него и больше, пока что, ни у кого. Однако мастер верил лафаранту лишь на том, что он его творение, а Вормер его создатель.

Спустя недолгое время вернулся Ноки. Он принес серый шерстяной шарф, с вышитой в углу фамилией. Даже Вормер узнал эту вещь и действительно, у Ноки больше нет ничего дороже и важнее. Это «носит» в себе все светлые воспоминания, связанные с матерью мастера. Еще в детстве он ценил каждый момент, проведенный с нею. Ему нравилось прижиматься лицом к этому шарфу, когда она его надевала. Ну а после смерти своих родителей и вовсе долгое время не расставался с ним.

– Ну, принес, что дальше, Зверь? – спросил Ноки

– Зверь? – с недоумением сказал Вормер.

– Должно же быть у него имя, да и под внешность идеально подходит.

– Ладно, смотри..., – ответил Зверь, немного прищурился пластины металла, похожие на веки, и взял шарф.

Лафарант разложил его на столе и начал трепетно и аккуратно проводить когтями по всей его длине, пока Ноки стоял в ожидании, внимательно смотря за Зверем, а Вормер, нахмурившись в позе мыслителя, думал и предполагал, что может произойти. Существо несколько раз прошло по всей длине, пока в один момент резко не остановилось. Подержав в таком положении руку несколько минут, стало понятно что он, будто что-то почувствовал. Затем Зверь медленно стал менять положение, тремя пальцами вытягивая из обычных шерстяных волокон маленький белый светящийся осколок. Мастера так и опешили, переглядываясь друг с другом.

– Это оно, – промолвил Зверь, – после того, как ты потерял свою семью, от горя часть твоей души откололась, самая измученная и истощенная, и поселилась в важную и близкую вещь для тебя, чтобы из нее напитаться и восстановиться приятными воспоминаниями. Это, конечно, немного не то. Часть души попала сюда не по воле человека, ты не вкладывал ее, как Вормер через трудолюбие, но все же. Она может подойти для создания творения подобного мне.

– Эта часть души может стать лафарантом? – спросил Ноки

– Лафарант, ты имеешь в виду с душой? – Сказал Зверь

– Да.

– Может, только для этого нужен, экзоскелет.

– Хм, думаю, Ноки сможет найти металлолом на заводе. –

Предположил Вормер.

– Да это – то да, просто я хочу, чтобы это видели вживую.

Зверь ты можешь пока что эту частичку оставить там?

Зверь кивнул и вернул осколок души обратно в шарф, тот же растворился в его материи и перестал быть виден человеческому глазу.

– У тебя какой-то план? – спросил Вормер.

– Да, у меня есть хорошие друзья, они с самых больших и важных заводов, хочу начать с них и показать, кто на нашей стороне.

– И я так понимаю, они такие же как и ты, рвущиеся в бой.

– Практически. Так же мне нужен ты. Сможешь собрать

экзоскелет, ты работал у элиты и чинил их сёрвусов, должно быть у тебя достаточно хорошие навыки в этом деле.

– Хорошо, договорились. Тогда до завтра? – Сказал Вормер, протянув руку.

– Да, давай. – Промолвил Ноки, пожав руку в ответ.

На том они и разошлись и оставшуюся ночь мастера досыпали, а Зверь тем временем, не нуждающийся во сне, остался в камерке Вормера, терпеливо ожидая рассвета.

Ранним утром в дверь жилища послышался настойчивый и громкий стук, Вормер так и проснулся от него. Открыв дверь, на пороге он увидел переполошенного Ноки.

– Доброе утро, – промолвил мастер.

– Доброе, а ты сегодня на завод не идешь? – спросил Вормер.

– Да иду, иду. Просто вчера ночью, я походил по «утильницам», у себя покопался.... Ну, и набрал кое-чего, – сказал он, отойдя в сторону и продемонстрировав старый ящик, наполненный металлоломом. – Думаю из этого можно что-нибудь сделать.

– Хорошо, посмотрю. И как будет готово, я тебе скажу.

– Договорились.

Пока на этом все. Мастер затащил к себе все добытое Ноки сырье, но обратил внимание, что в камерке нет Зверя, и уже бросился паниковать, как вдруг сверху послышался голос:

– Приятель заходил?

Вормер поднял голову и увидел два светящихся глаза в углу потолка, свет от лампы не мог достаточно освещать все помещение, поэтому верхняя часть комнаты была самой темной. Тогда у мастера промелькнула мысль в голове, что, если бы его творение сделало бы так при первой встрече, то у парня, возможно, остановилось бы сердце.

– Зверь! – возмутился тот, – ты напугал меня до смерти. Я уж думал, что ты куда-то ушел.

– Нет, это была бы плохая идея, – ответил лафарант, спускаясь вниз, подобно ящерице или пауку. – Это запчасти?

– Сейчас посмотрим.

Как оказалось, Ноки принес практически реальный металлолом, и собрать из него за один день экзоскелет, как это было со Зверем, невозможно. Подходящую машину, удалось получить только через три дня, и то, с помощью лафаранта.

И за все это время Кассель ни разу не было дома. Однако, Вормер нашел у нее оставленное на столе послание о том, что ей нужно серьезно все обдумать и побыть несколько дней в одиночестве. Парень чувствовал себя виноватым в том, что не может построить нормальные отношения с сестрой, и они больше похожи не на семью, а на соседей. На четвертый день ее отсутствия, Вормер уже начал переживать. Но вечером того же дня послышался скрип входной двери и на пороге появилась девушка. Парень, прикрыв вход в свою каморку ширмой, пошел встречать сестру. В руках у нее был все тот же музыкальный инструмент и, что необычно, «почтовик» –

это маленький заводной механизм, похожий на птицу, способный летать на большие расстояния. Его используют для передачи писем и посланий. Но Вормер не придумал наличие этого механизма у сестры внимания, его больше волновала сама она.

– Кассель.

– Привет, Ворм, – сказала она, потупив взгляд.

– Где ты была? С тобой все хорошо?

– Все нормально, я была рядом с портом, просто гуляла неподалеку, думала о всяком.

Она говорила вяло и нехотя, стараясь не смотреть брату в глаза.

– Ты хочешь поговорить обо всем?

– Нет.... Я пойду к себе, ладно?

В ответ Вормер понимающе кивнул и проводил ее взглядом.

– И да, чуть не забыла, – резко повернулась и сказала она, – ты пропустил «время кормежки», вот твой паек. Я взяла нам двоим на те деньги, которые ты недавно принес, извини, пришлось их втихоря у тебя из кармана достать.

–Я понял. Спасибо.

Кассель достала из своей наплечной сумки небольшой сверток грязной бумаги и протянула брату. «Время кормежки» – это время, когда раз в неделю, мастера получают различные опилки, жмых и остатки от нормальной еды, которые поступают непосредственно «сверху», в знак «величайшего

милосердия». Очень иронично, что и за милосердие людям приходится платить. Пропитание в Суммуме равно недельной выручке за тяжелую работу на производстве или одну рискованную вылазку.

Нормальную еду посылают в Суммум через «Перевалочный пункт» на границе. А из полученных обратно отрубей спрессовывают кирпич весом в один килограмм – это имитация хлеба. Также в паек входит пятьсот граммов костей, из которых можно сварить серый мутный бульон, и перемолотое повидло из очисток и жмыха из овощей и фруктов. Благо у мастеров есть вода в неограниченном количестве, которую они могут набрать на заводах. В каждом секторе «улья» есть места для костров, с дымоходами, где мастера разводят огонь и могут готовить.

Вормер достал из пайка те самые спрессованные отруби, отломил небольшой кусок. А из своего плаща, из кармана, вытащил тот оставшийся напиток, и вместе с ним съел на ужин этот ломоть. Без какого-то напитка этот «хлеб» просто не проглотить, тяжело жуется, сразу впитывая всю слюну во рту.

После еды мастер в очередной раз убедился в надежности собранных частей экзоскелета. Получилось так, что он был разобран на соединения: голова, шея; туловище; плечи и руки; таз и ноги. И в целом этот лафарант отличался от Зверя только своими размерами и формой маски на его голове, внизу она была тупорылой, а сзади гребень и трубы были по-

хожи на языки пламени.

В двенадцать часов ночи к Вормеру пришел Ноки. Касель уже спала, поэтому мастер задвинул у нее ширму и парни разговаривали шепотом.

– Ну что, готов?

– Да готов, готов. – Сказал Вормер, показывая на лафаранта.

– Вау, хорошая работа, дружище.

– А ты свою работу выполнил? Ты своих друзей поставил в известность, о наших планах?

– Да, и они уже ждут. Там, помнишь, я тебе показывал тот подземный зал. Все проведем там.

– Ага, а как ты хочешь дотащить туда этот экзоскелет?

– Предоставь это мне, Создатель. – Вмешался Зверь.

Лафарант ловким движением взвалил громоздкую конструкцию себе на плечи и зацепил за свое тело. После чего, залез по стене на потолок, крепко хватаясь когтями за поверхность. Ноки же взял свой шарф, а Вормер сумку с инструментами, чтобы доделать машину.

Это был более-менее оптимальный и быстрый вариант добраться до того места, хотя довольно неудобный и даже громкий. Время было позднее и все мастера с дневных смен вернулись и отдыхают, а люди, работающие по ночам, уже ушли, в подземных коридорах «улья» воцарилась гробовая тишина. Но, несмотря на это, Вормер все равно переживал за каждый созданный Зверем случайный звук, ведь он, вдобавок,

разойдется еще эхом по ближайшим туннелям. А когда они уже подходили к месту, то сняли со Зверя запчасти и сказали ему пробраться в зал также по потолку, пока что ни к чему мастерам его видеть. Когда парни забрали механизмы, то смогли ощутить их реальный вес и представить с какой силой такая машина может да хотя бы просто ударить. Также физическую силу лафаранта можно было определить по Зверю, как он на одних когтях может удержать огромное металлическое тело на гладкой глиняной поверхности некоторых стен.

В том подземном зале, уже ждали те мастера, о которых говорил Ноки. Присмотревшись Вормер узнал этих ребят: Нельс – блондинистый парень, работающий мастером на оружейном заводе, там они создают турели, ружья и различное холодное оружие, не только для сёрвусов, но и для аристократии на охоту. Лори – шустрая девчонка работает как раз на крупнейшем продовольственном заводе, обслуживает и создает машины «фермеры», порой участвует в производстве различной молочной продукции. И Кель – здоровяк крепкого телосложения, создающий и ремонтирующий, непосредственно, «стражников» и иногда «пехоту». В дальнейшем его навыки могут очень сильно помочь.

– Вот и вы, наконец-то! – Встретила их возгласами Лори.

– Вормер, скажи, то, что говорил Ноки про твое творение, правда? – С нетерпением спросил Нельс.

– Но мы надеемся, что то, что вы принесли это не оно, верно? – Вмешался Кель, заметив у парней на руках те самые

конструкции.

– Сейчас, все по порядку. – Возмутился Ноки.

Весь разобранный экзоскелет они сложили на пол, и Вормер принялся собирать его до конца, чтобы просто различные соединения стали единым целым лафарантом. Пока мастер прикручивал все шарниры и гайки и вставлял на место оставшиеся шестеренки, Ноки говорил призывающие речи, вот что-что, а говорить он умеет.

– Ну что, – начал он, – думаю, рассказывать, зачем я вас позвал не стоит, мы все знаем в каком мы положении и как сильно мы хотим выбраться из него. И наконец, спустя десять лет у нас появился шанс, ведь у нас теперь есть верные и сильные союзники.

– Да уж, ты нам уже три дня об этом говоришь с такой уверенностью, что не поверить в это действительно трудно, но все же где то, что сможет нам помочь? – Подметил Кель.

Тут Вормер, доделав работу, невзначай посмотрел наверх, и сразу увидел там того самого союзника, смотрящего прямо на своего Создателя. Остальные мастера, заметив его взгляд, также посмотрели наверх и замерли. Сейчас, для большего эффекта, и нужно показать, кто там прячется в тени. Зверь медленно, цепляясь за стены, начал спускаться, при этом держа голову постоянно в одном положении и смотря на мастеров. А спустившись, встал в полный рост, нависнув над Вормером. В этой повисшей тишине было отлично слышно, как работают приводы и скрепят шестерни лафаранта, и как

из его труб на голове выходит пар. Мастера же стояли в недоумении, не отрывая взгляда от творения, лишь иногда переглядываясь друг с другом и что-то бормоча под нос.

– Мастера, друзья, это наш шанс, шанс на нормальное свободное будущее! – Сказал Ноки.

– Это-это оно? Вормер?! – сказал Нельс, – это – то творение, о котором нам рассказывал Ноки, сёрвус с «частью души»?

– Да, – сухо отрезал Вормер. Он вновь пытался выглядеть абсолютно спокойным и серьезным, как будто все хорошо, все так и надо. Но внутри его распирала сильные эмоции. Он сам не до конца мог поверить во все происходящее, во все эти планы. И страх за дальнейшую судьбу, и невероятная радость, что это, наконец, может закончиться, все смешалось, это так странно.

– Ребята, вы можете вообще себе это представить?! – вмешался Ноки. – Это наши творения, которые здесь, чтобы помочь нам достичь нашей цели, разве не пора?

– Пора – что? – спросила Лори. – Неужели ты забыл о 1495 годе? Это был великий провал с ужаснейшими последствиями для нас.

– В том-то и дело, что не забыл, и никто из мастеров этого не забыл. Все мы помним наших отцов и матерей, погибших там. Они сражались за нас, за честь, за будущее и за свободу. Нельзя допустить, чтобы их кровь пролилась зря!

– То восстание лишь усилило контроль над нами, лишило

абсолютно всех прав и приравнивало всех мастеров к пыли. Разве сейчас может быть иначе? – продолжила Лори.

– Вот в чем наша проблема, – неожиданно вмешался Вормер, – мы цепляемся за прошлое, под предлогом полной безысходности и безвольности, которое нам внушила власть и ее элита. Так нельзя, зная, как наши родители верили в победу, нам нельзя не верить и не надеяться, они бы не хотели этого. Они хотели, чтобы мы смогли жить, и, зная, что погибнут, хотели, чтобы мы возвели новый мир. Никто не знал, как это обернется для нас, даже мой отец.

В воздухе повисло напряжение, примерно такое же, какое было при разговоре Вормера и Ноки, где-то, пять дней назад. Однако последний же был очень приятно удивлен заявлением своего друга, значит, он все понимает и переживает не меньше своего отца. Все это время Зверь ожидал и внимательно слушал разговор мастеров.

– Но факт есть факт, – прервал тишину Кель, – восстание окончилось реками крови и целым поколением сирот. И дабы этого не произошло вновь, нам нужна серьезная помощь, глупо идти в бой с одним ружьем на двоих. Я готов идти в бой, если, – посмотрел тот на Зверя – с нами есть машины.

После слов мастера Зверь взял шарф Ноки и подошел к экзоскелету, лежавшему на земле и проделал те же манипуляции, что делал при парнях, также объяснил всю ситуацию с душой и связь ее с вещами, а затем поместил осколок ду-

ши Ноки в грудь экзоскелета, и тот открыл глаза. Этот лафарант сразу же обратил внимание на Ноки и назвал его Создателем. Вся эта демонстрация стала весомым аргументом для мастеров, и было принято решение поднимать народ и параллельно, с помощью способностей самого старшего лафаранта, создавать себе союзников. Зверь, плюс ко всему, зарекся со своими собратьями заниматься в большей части сам.

Глава 4 «Мы творим историю»

В эту же ночь Зверь остался с Ноки и его лафарантомс, чтобы помочь освоиться в новом деле последнему. А Вормер отправился обратно в комнату, готовить примерный план надвигающегося восстания, и помимо этого, ему вновь пора делать вылазку в Суммум, уже, наверное, последний раз за деньгами.

Оказавшись у себя, мастер увидел, что ширма отодвинута, а Кассель не спит. Девушка сидела на тахте, с поникшей головой, крепко сжав, свою бронзовую брошь в виде цветка, похожего на камелию, которую выковал ее отец.

Она носила ее на своей жилетке, однако, когда ей было тревожно, страшно или тоскливо, снимала и долгое время не выпускала ее из рук. Кассель в детстве когда-то сказала, что брошь полностью пропитана его любовью и теплом, и от одного только прикосновения к ней, девушке становилось легче. Она конечно с возрастом поняла, что эти ощущения были лишь фантазией и огромным желанием снова увидеть папу и маму, но привычка все же осталась.

Вормер слегка постучал по ширме, заглянув к сестре. Она тут же подняла голову и посмотрела в сторону источника звука.

– Вормер, – растеряно сказала она.

– Ну, добрый вечер, а ты чего проснулась?

– Кошмар приснился, – она отвернулась, чтобы не смотреть на брата. Ей было стыдно за подобное поведение и за то, что не может решить свои проблемы, как мастера и побороть свой страх.

Вормер зашел к ней в каморку и присел рядом. Видимо, настал тот момент, когда они, наконец, могут поговорить.

– Прости, я слишком напустился на тебя.

– И ты прости, я понимаю, почему ты переживаешь за это. Тебе действительно тяжело обеспечивать двоих, – она говорила, не поднимая глаз на брата.

– Кассель, я правда сильно переживаю за тебя. У нас не простая жизнь, и я не хочу, чтобы под ее гнетом ты осталась без средств, к существованию.

– Я знаю, но я просто не могу быть мастером, – она, наконец, осмелилась посмотреть на Вормера. Ее глаза блестели от наполнявших их слез, а нижняя челюсть тряслась, создавая неприятное постукивание зубов. Кассель говорила дрожащим голосом:

– Я-я понимаю, твоя душа лежит к другому делу..., – растерянно протараторил мастер, не ожидая увидеть сестру в таком состоянии.

– Не только... Я не могу Вормер. Даже находиться рядом с ними... Меня охватывает дичайший страх. Особенно, если наедине – мое воображение начинает играть со мной злую шутку. Я не знаю, что со мной. Когда вижу все эти неестественные и даже жуткие движения сёрвусов вместе с их пу-

стыми глазами и масками, которые не показывают никаких эмоций и, вообще, признаков живого существа, меня сразу начинает шатать, я как будто теряюсь в пространстве, не слыша ничего кроме ударов сердца, чувствую, как трясутся руки и как мне становится тяжело дышать. Я раньше думала, что болею чем-то, но нет. Все это происходит со мной, именно когда я вижу и нахожусь рядом сёрвусом.

Вормер был шокирован подобным откровением. Он и до этого знал, о странной реакции своей сестры, но чтобы прямо до такого сильного страха и тревожности.... Сейчас изнутри его начала разъедать совесть и чувство вины. Мастер смотрел на нее, прямо в глаза, и понимал, что Кассель не преувеличивает и, тем более, не врет. К его горлу подступил ком, и он сам был готов заплакать. Столько лет он на ней срывался из-за отказа работать мастером, столько раз в порыве злости говорил ей отвратительные вещи, но даже подумать не мог, что за всем этим скрывается серьезная проблема.

– И знаешь, – продолжила Кассель, – музыкой я начала заниматься, в первую очередь потому, что нашла в ней успокоение, ну а после и талант. – Она начала говорить пободрее и даже веселее. Видно, что она излила душу, и ей стало намного легче. – Вормер, послушай, я, кажется, знаю, как мне избавиться от этого...

– Я тоже, – неожиданно перебил он ее, проглотив ком и нахмурившись. Парень прекрасно понимал, что теперь он

просто обязан выиграть эту революцию, свергнуть режим и построить новый мир, чтобы просто «спасти» сестру. Он еще давно обещал своим родителям: в случае чего позаботиться о близких и сохранить семью, что ж, пора выполнять обещание. Сейчас Вормер, как никогда, уверен в себе и строго настрого решил, что он просто обязан привести мастеров к победе и подарить им «новую жизнь». – Сейчас, грядут большие перемены, и я клянусь, победа будет за нами, я все сделаю для этого.

– Что? Вормер, ты на что намекаешь?

– На грядущую революцию. Мы с завтрашнего дня начнем поднимать народ.

– «Мы», ты имеешь в виду себя и Ноки?

– И еще нескольких мастеров. Ты даже не представляешь, что у нас за союзники. В ближайшее время я тебя познакомлю с одним из них. Кассель, мы создадим свое «светлое будущее», и в нем ты сможешь жить, и быть собой, не страдая от страха и тревоги, и творить.

– Но я не совсем..., – вдруг Кассель остановилась и замолчала на пару секунд. – Да, вы правы, что задумали восстание. Не может же так продолжаться вечно. Я помогу вам, чем смогу, я хочу поддержать вас, – сказала она, резко встав и пристегнув брошь обратно. – Чем я могу помочь?

– Пока ничем, хотя ты можешь вдохновлять людей. Я имею ввиду, может через музыку или даже стихи, у тебя они тоже не плохо получаются.

– А у вас уже есть план и вообще, что на что меняем?

Вормер призадумался об этом, пока неожиданно не вспомнил о своем наследии. У него загорелись глаза, а внутри зародилось чувство невероятного предвкушения перед ним.

– Ну-ка пойдём, – позвал он Кассель.

Они зашли в каморку Вормера. Мастер мигом ринулся к своей тахте, под которой и находилось это наследие, ожидавшее своего часа в темноте под сантиметровым слоем пыли.

Парень достал толстый сверток коричневой ткани, перевязанный старой веревкой, отряхнул его и положил на стол. Как только они его развернули, по комнате распространился запах сырой затхлости и старья. И неудивительно, ведь в нем находились целые пачки старого полностью исписанного пергамента. Это были архивные записи первой революции с описанием новой формы правления. Их отцы создавали и разрабатывали ее несколько лет. Это были копии, которые Вормер чудом смог спасти из огня, сохранить и спрятать, хотя некоторые листы все равно, сильно подгорели. Эта форма называлась СиПЖ – свобода и право жизни. Вкратце, эта партия гласит о том, что есть власть и народ. Власть – строгая и жесткая, но справедливая и сильная, направляющая и помогающая людям. И народ – мудрый и самостоятельный, но верный и смелый, готовый отстаивать свои права и работать, способствуя развитию и процветанию своей страны. И у этих двух столпов главная задача, сохранить баланс между

собой, уважать друг друга и быть на равных. Так же там была еще важная разработка, имеющая не меньше влияния на новый строй. Humanum et Mechanismus (человек и машина) – блок, выступающий за жизнь, тесно связанную с технологиями. Чтобы люди жили бок о бок с машинами, а последние были наравне с ними, и оба жили, процветали и развивались. Чтобы они работали на себя и на свое реальное будущее. Чтобы не было рабов и слуг среди всех их представителей. Это две важнейшие партии, на которые отцы мастеров настаивали опираться.

– Думаю, этим буду заниматься я, продвигая СиПЖ с Н.е.М и, возможно, как-то доделывая ее, – сказал Вормер, внимательно вчитываясь в документы.

Кассель также пролистала некоторые записи, однако, ее внимание приковала та ткань.

– Подожди, а это разве не...? – спросила она, отложив в сторону бумаги и развернув сверток во всю длину. – Да, Ворм, это флаг! – Восхищенно заявила она, толкнув брата в бок.

Вормер повернулся и обомлел. Он смотрел на него с широко открытыми глазами, на мгновение, вспомнив детство, тогда эта вещь очень часто мелькала у него перед глазами, только он был в более приличном состоянии.

Флаг повстанцев представлял собой темно-коричневый лоскут ткани, на котором позолотой было изображено сердце наполовину человеческое, живое, наполовину механиче-

ское, с шестеренками и трубками. Оно символизировало процветающую свободную жизнь с параллельно развивающимися технологиями, в первую очередь не для службы, а для всеобщего прогресса.

Очень символичны на этом флаге потертости, сторевшие, обуглившиеся края и дыры от пуль. Он многое прошел, но в итоге все равно будет развиваться по ветру перемен и вести за собой сотни жаждущих нормальной жизни мастеров, таких же покалеченных и измученных.

– Вормер, во мне, кажется, проснулось вдохновение. Пойду-ка я займусь им, пока не пропало, – сказала девушка и вместе с флагом быстрым шагом направилась в свою часть комнаты. Парень же проводил ее взглядом и умиляющейся улыбкой.

Он еще пару часов занимался изучением документов пока не начал засыпать. А так как он больше не хотел проснуться на следующий день с больной спиной, пошел спать на кровать.

На следующий день, мастер заглянул к сестре, та же продолжала работать над речами, которые они будут использовать в пропаганде. И удостоверившись, что у нее все хорошо, пошел с теми документами к Ноки.

Далеко идти не пришлось. Они пересеклись в коридорах «улья».

– О Вормер! Тебя-то я как раз таки и ищу, – поздоровался Ноки, тряся пачкой бумаг у себя в руке.

– Взаимно, слушай, у меня есть то, что я обязан тебе показать.

– Подожди, я первый. Глянь, – мастер протянул ему листы и тот приятно удивился, поняв, что это агитационные плакаты опять же времен первой революции.

– Надо же, я думал, что ото всех избавились: «Да здравствует великая революция 1495», «За Магнум, за Лутум, за мастера», «СиПЖ и Н.е.М – это НАШЕ будущее!»... Да, очень хороший «улов», еще и так много.

– И я про то же. Развесим эти пока в «улье», а там глядишь еще у кого-нибудь чего-нибудь завалюсь. Ну, а что у тебя?

Вормер протянул другу записи, и тот начал внимательно в них вчитываться.

– Я, конечно, еще в детстве слышал об этой форме правления, моя мама сидела над ними по ночам. И, клянусь, я что-то то запомнил. Однако, когда сейчас читаю их, понимаю все по-другому. Это действительно был грандиозный план!

– «Был»? Я что, просто так их тебе показал.

– Ты хочешь, чтобы это была наша новая форма правления?

– Не вижу противоречий. Ноки, это как раз то, что нужно. Только надо немного подправить, включить сюда наших союзников, кстати, где Зверь?

– Он в том большом зале. Мы вчера еще у наших приятелей забрали по вещи. И сейчас он там сидит, собирает экзоскелеты, думаю в следующий раз эти «ритуалы», также

нужно продемонстрировать перед мастерами. А по поводу тех партий, да, они просто обязаны занять место нынешнего режима.

– Тогда я займусь доработкой документов и постараюсь подключить к этому Зверя. Как только будет готово, можно будет вещать людям. А ты...?

– А я пойду распускать слухи, вдобавок напомним об истории и наследии, – сказал Ноки, демонстративно, потрясая плакатами. – Начну аккуратно, издалека, там дальше как пойдет.

– Хм, ты уверен?

– Да, ты сам знаешь, что у меня язык «как помело».

– Вот именно. Не наговоришь лишнего, и сможешь рассказать, как бы, интригуяюще.

– Смогу, смогу. Если что, разберусь по ходу. Все, давай иди, занимайся своим делом, – протараторил мастер, подтолкнув Вормера.

Они разошлись в разные стороны: Ноки пошел наверх, на заводы и промышленные комплексы, а Вормер направился в зал, к своему творению. Решил сразу заняться переписыванием найденных документов вместе со Зверем, он все-таки будущий главарь своих собратьев. Однако, когда мастер пришел на место, не обнаружил его. Там был только Люмниум, лафарант Ноки, который сидел у стены пытаясь забраться на нее, видимо насмотрелся на своего сородича. Недалеко от него лежали три личные вещи ребят: серебряный гре-

бень, старый кинжал, с рукоятью в оплетке из кожи, и механические настольные часы с маятником. Почти половина пола была полностью забита различными запчастями, в некоторых из которых уже вырисовывались части тел будущих лафарантов. Поняв, что здесь нет его творения, парень решил обратиться к Люмниуму.

– Хэй! – не громко позвал он его. Машина повернулась к мастеру, слегка наклонив голову в бок. – Привет, а ты не видел Зверя, собрата твоего?

Тот ненадолго замер, будто обрабатывая услышанную информацию. А затем очень невнятно прорычал: «Место рождения...»

Вормер с трудом разобрал то, что он сказал. Неудивительно, голос Люмниума, если это так можно назвать, был просто набором дребезжащих и скрежещущих звуков шестеренок, под давлением от пара. Даже когда парень смог расслышать эти слова, не сразу понял их значение. Однако через минуту дошло, под местом рождения он подразумевает его комнату. Поэтому, бросив символичное «спасибо», пошел к себе, чувствуя себя немного неловко. Может в будущем у него построится речевой аппарат.

Зверь действительно был в камерке Вормера, ему нужны были поршни и трубы, которые еще оставались у его Создателя. Он еще не знал, что в комнате не один. Хоть и смог пробраться туда почти бесшумно, искал он довольно громко. Кассель слышала, что за ширмой кто-то есть, только думала,

что это был ее брат.

Некоторое время она еще сидела спокойно, продумывала такты, но не могла толком сосредоточиться из-за шума и уже хотела крикнуть Вормеру, чтобы вел себя потише, однако, прислушавшись к доносившимся оттуда звукам, замолчала. Это были тяжелые шаги, сопровождавшиеся постукиванием металла о металл и шумные, хриплые вздохи. Внутри у девушки зародилось неприятное чувство волнения, которое с каждым новым звуком перерастало в страх, окутывавший все тело. Она чувствовала, как вспотели ладони, и начинали тревожно подрагивать пальцы. Дабы избавиться от этих неприятных ощущений и успокоиться, она решила пойти проверить и все-таки убедиться, что это Вормер там что-то делает. Кассель пыталась взять себя в руки и убедить себя в том, что там нет ничего страшного, хотя нутром чуяла – не так все просто.

Девушка встала и медленно, не создавая лишнего шума, подошла к проходу, ведущему в часть комнаты брата. По мере приближения звуки усиливались, а сердцебиение учащалось. Когда она уже подошла вплотную, чуть-чуть выглянула из-за ширмы и тут же замерла. Лафарант стоял в углу комнаты, «согнувшись в три погибели», перебирая железные детали в руках. Кассель так чуть и не рухнула прямо на пороге в каморку Вормера. Ноги стали ватными, и она пошатнулась, задев перегородку, которая предательски скрипнула. Зверь резко повернулся и как только увидел девушку, отло-

жил свои поиски. От одного только его взгляда, ее сердце «провалилось в пятки», случился отток крови, и ее кожа в момент побелела, а по спине потек холодный пот.

– Подожди, – неожиданно заговорил Зверь. От его голоса девушка смогла немного придти в чувство и не упасть в обморок, – твое лицо, я тебя знаю, ты – Кассель, верно.

Она не отрывала от него взгляда, но не могла ничего сказать и сдвинуться с места, ее полностью сковал страх.

– Прошу, я не причиню тебе вреда, – вновь заговорил он, заметив ее реакцию, – яздесь, чтобы помочь.

После его слов, у Кассель в голове всплыли слова брата о невероятных союзниках, кажется, вот кого он имел в виду. Поняв это, страх на секунду отошел на второй план, сменившись любопытством. Но она все равно держала дистанцию, чем ближе подходил он, тем активней она старалась отойти назад.

Вдруг, в комнату зашел Вормер и застал сцену их первой встречи. Когда Кассель увидела парня, тотчас же бросилась к нему:

– Вормер, Вормер, Вормер..., – трясущимся голосом пробормотала она, зайдя за него и вцепившись ему в руку, – что это такое?

– Все нормально. Это Зверь, мое творение, наш союзник и будущий главарь лафарантов.

– Создатель, клянусь, я не причинял ей вреда.

– Угу.

– «Лафарант»? То есть, как бы живой? И что за творение? – вмешалась Кассель, немного ослабив хватку.

Вормер уже собирался начать объяснять сложную природу этих существ и их связь с мастерами, как вспомнил, что скоро начнутся демонстрации на заводах, на которых все и всем будет рассказываться.

– Послушай, Кассель, совсем скоро мы обо всем будем вещать на заводах, о революции, о наших планах и о них в том числе. Будет проще тебе узнать обо всем вместе со всеми. А пока что...

– А конкретнее завтра, – вмешался Зверь. – Мы с Ноки и Лори уже договорились. Экзоскелет ее лафаранта почти готов. Завтра, на продовольственном заводе.

– Хорошо, но сегодня я, пожалуй, продолжу свою работу на улице, на свежем воздухе, быстрее успокоюсь.

Вормер кивнул в ответ, и девушка довольно шустро забрала все, что нужно из своей каморки, небрежно запихала в сумку и быстрым шагом удалилась из комнаты. Напоследок она еще раз посмотрела на неожиданного и напугавшего ее гостя. Ее пронзило странное чувство, вроде не страх, но опасение, не интерес, но любопытство. И этот белый свет его глаз. Такой холодный и безжизненный, хотя именно сейчас, как никогда, подходит выражение: «глаза – зеркало души».

Зверь, в свою очередь тоже приобрел неоднозначное мнение о Кассель. Он, разумеется, знал о сестре мастера, о ее таланте и страхе. Но лафарант и подумать не мог, насколько

сильно она боится. Из-за чего он был немного разочарован, ведь хотел с ней о многом поговорить, а раз так, это будет проблематично.

– Зверь, – обратился мастер к своему творению, закрыв дверь за сестрой, – скажи, пожалуйста, что ты здесь делал?

– Мне нужно было это, – он показал стопку шестеренок в руках, – для экзоскелетов, надеюсь, ты не против.

– Нет, не против, – хоть Вормер и согласился, в голове на секунду возникло недоверие. Его неожиданное появление здесь было подозрительным. Мастер еще не до конца уверен в нем, хотя они вроде как сладили, да и, в конце концов, с самого начала являются союзниками. – А по поводу того, почему я не знал о завтрашнем собрании, спрошу у Ноки. Ты, кстати, мне нужен.

– Слушаю.

– Мы нашли замену нынешнему режиму правления, которую придумали наши отцы. Но гораздо правильнее будет ее немного подправить, с учетом наших новых союзников. И с тобой, как с главарем, я нацелен решить этот вопрос.

– Я готов хоть сейчас. Только лучше в главном зале, я как раз доделаю экзоскелет.

– Тогда пошли.

Остаток дня они провели за работой. Пока мастер продумывал, как СиПЖ подогнать под лафарантов, все-таки будет правильнее считаться с ними, как с людьми; этих самых лафарантов и создавали. На демонстрацию уже был готов один,

так что Зверь потихоньку занялся работой над остальными, и к нему, на удивление, присоединился Люмниум. Он внимательно следил за работой собрата, поэтому понимал, что к чему. Благодаря этому все три экзоскелета были собраны уже глубокой ночью. Ну, а Вормер не переставал трудиться над будущими документами, устанавливающими новую власть.

– Создатель, полагаю, мы закончили; что у тебя?

– А у меня еще много работы. Пока прописывал ваши права, обязанности и постановление о взаимодействии лафарантов и мастеров, понял, что необходим единый свод основных законов, от которого уже можно будет отталкиваться, – судорожно тараторил Вормер, перебирая стопки исписанных листов, роняя их на пол. – Но этот свод нужно расписать на послереволюционное время, потом переписать и начать проводить реформы...

– Остановись, Создатель, – перебило его, творение, – на сегодня тебе точно хватит, главное, что у тебя появился примерный план, остальное вопрос времени, поверь. Тебе стоит передохнуть перед завтрашним днем.

– Ты намекаешь на то, чтобы я присутствовал на демонстрации?

– Разумеется, ты должен быть там. Ты и Ноки – два главных революционера. Вы, ведете народ. И завтра вам нужно полностью показать, что ваши намерения серьезны, и на вас, можно положиться.

– Да, думаю, ты прав, – недолго помолчав, сказал Вормер.

– Завтра я буду на заводе с раннего утра. Уверю тебя, я знаю, что делаю.

– Я понял.

Вормер поднялся с пола, собрал все записи и, потушив взгляд, отправился к себе. Слова Зверя довольно сильно отпечатались у него в голове. Завтра ответственный день, нужно воодушевить людей и поднять их головы. Нормально волноваться перед подобным, только у парня тревожность начала перерастать в кое-что другое. Это проявляла себя самая ненавистная Вормером черта его характера – слабость и трусость. Он думал, что хоть сейчас смог от нее избавиться, но нет. Появлялись мысли о том: «зачем мы все это затеяли?», «может еще не поздно все отменить?», «это глупая затея, можно ли все бросить?», «нет, я не смогу, я не справлюсь». Он колебался и сомневался в правильности их действия, был абсолютно не уверен в себе. Даже засыпая, он продолжал перебирать возможные варианты отступления, мастер боялся вести за собой людей.

На следующее утро Вормера немного отпустили эмоции, остался только здравый смысл, что помогло ему все-таки взять себя в руки и вспомнить, ради кого он это делает в первую очередь. Перед самым близким человеком он обязан держаться и продолжать оставаться сильным и уверенным, не смотря ни на что. Парень накинул сумку через плечо и отправился на первую демонстрацию.

Подойдя к предприятию, он краем глаза заглянул туда через приоткрытую дверь. Цех полностью стоял, оттуда веяло смесью запахов различных специй. В принципе, неудивительно. Мастера только вчера отправили новую партию продуктов в Суммум, и могли на день забыть о работе. Людей там не было, поэтому Вормер начал в недоумении обходить огромное здание снаружи, пока не услышал голоса, доносившиеся с нулевого этажа через вход в подвал. Он подошел к нему, присел и начал всматриваться. Было много людей. Там собрались не только мастера, работающие на продовольственном заводе, многие пришли с других рабочих мест. Значит, у слухов, которые распустил Ноки, оказался довольно большой охват. Народ суетился, люди о чем-то встревожено говорили и ждали объяснений.

Вдруг, Вормер почувствовал, как тяжелая рука резко опустилась ему на плечо. Он вздрогнул и негромко вскрикнул, а обернувшись, увидел улыбчивую физиономию Ноки.

– Ну, что скажешь?

– Ноки, ты меня до смерти напугал! Я и так весь на нервах. Ты всегда будешь подходить ко мне со спины?

– Как получится. Ты лучше скажи, как тебе масштаб действия моих слов? – снасмешкой сказал он.

– Я всегда знал, что ты отлично разговариваешь с людьми, и все это, очередное доказательство твоих умений. Однако у меня есть два вопроса: Почему ты мне не сказал, что демонстрация сегодня, и где Зверь?

– Черт, прости, забыл. Замотался просто... Но тебе по любому бы все рассказал Зверь. И да, он там, – сказал он, указав рукой в противоположный угол цеха, открыв полностью дверь. Это было самое захламленное и темное место этого помещения, неудивительно, почему лафарант спрятался именно здесь. А когда Вормер вглядывался туда, ему показалось, что там было какое-то движение. – Он нас ждет еще где-то с пяти утра. Я пересекся с ним в «улье» ночью, Зверь как раз шел сюда. Идем.

Ноки схватил его под руку, они быстро спрыгнули внутрь и решительно и быстро пошагали сквозь толпу. Этот нулевой этаж мастера использовали как склад запчастей и машин, нуждающихся в ремонте. Довольно пыльное помещение, на полу были черные пятна масла, много грязи. Однако здесь был холодный сухой воздух, что не способствует развитию различной коррозии и мастерам это только помогало. Уже находясь в толпе, можно было слышать то, о чем люди говорили. Слева и справа, доносились одни и те же слова, все задавали одни и те же вопросы:

– Я слышал, что грядет какое-то важное событие, это так?

– Не знаю, пока что это слухи.

– А вы слышали про каких-то новых союзников?

– Ну когда же будет обещанное объяснение?

А когда ребята проходили мимо мастеров, позади были слышны уже другие слова:

– Смотри, это Цертамен и Миртрай, не уж то это они что-

то задумали?

– Это было бы не удивительно – все-таки такие родители.

– Что они собираются сделать?

– Эй, Ноки, что происходит?

– Да погодите вы, сейчас мы все объясним! – крикнул Ноки в толпу. – Слушай Ворм, а у тебя случайно нет с собой тех записей?

Вормер вспомнил, что вчера забыл разобрать сумку и положить свою работу. В качестве ответа он продемонстрировал пачку бумаг, слегка достав их из котомки.

– Отлично, это может сыграть нам на руку.

– И как же?

– Вот и увидим.

Они подошли к большой лебедке, управляемой паровым двигателем. Она стояла на высокой платформе, поэтому ее было хорошо видно отовсюду. Плюс, прямо за ней, в тених затаился Зверь.

– Мастера! Друзья! – сразу начал говорить Ноки, еще не успев полностью залезть на эту конструкцию. – Прошу, послушайте меня! – после его просьбы народ поутих.

Вормер забрался следом за другом, только встал чуть-чуть пониже. Но это не помешало увидеть ему Кассель, стоявшую возле стены и также ожидавшую слов новых революционеров.

– Мы все собрались здесь не просто так. Я позвал вас, потому что хочу спросить: Вам не надоело? – мастера перегля-

нулись, а затем с недоумением посмотрели на Ноки. – Вам не надоело быть рабами и подстилкой Суммума? Разве вы не устали, разве не истощены морально и физически? Столько лет мы страдали, но пытались жить по их правилам, служили им и соблюдали все законы. И что в итоге?! Они сделали нас бесправными, оставили без семей, в голоде и холоде, и велели не сметь поднимать голов! – мастера вновь зашептались, опустив глаза, вспоминая самые тяжелые годы. – Так, может, хватит терпеть! Они такие же, как и мы! Такие же люди – две руки, две ноги. А у людей разве не должны быть права?! Право на свободную жизнь и возможность строить счастливое будущее нашего острова, они ведь ничего для этого не делают. Право на мнение, выбор, на не грязную и не опасную работу, в конце концов! Ведь сколько мастеров погибает на заводах из-за ужасных условий труда, сколько заболевает, еще совсем молодых! 10 лет назад нас лишили жизни – обрекли на существование. Нас лишили права быть человеком! – его последние слова эхом пронесли по заводу, создав затем гробовую тишину. Мастера, услышавшие это, не поверили. Они действительно обо всем забыли, привыкнув к позиции рабов, а более молодые даже и не знали, что мастера – это не нелюди, как постановил Суммум. – Что?! Забыли уже об этом? Забыли, что они сделали с мастерами, мы, благодаря им, даже собственной истории не знаем. Делают все, чтобы мы смирились со своей навязанной участью.

– А что если мы не смирились, – послышался мужской

голос из толпы, – что если, мы готовы пойти сражаться, в первую очередь за себя. Только вот, готовы ли мы построить все заново?

– Абсолютно готовы! – неожиданно вмешался Вормер, стараясь смотреть в глаза своей сестре. – Мы... У нас не утеряны достижения наших отцов, – Вормер достал документы и показал мастерам, – они не смогли уничтожить все их труды. Вот, за что они боролись, и за что будем бороться мы, и победим, ведь теперь не одни.

Мастер глянул назад и уже увидел два светящихся глаза. Зверь был наготове, а, как только получил сигнал от парня, ринулся показать себя. Он выпрыгнул из тени и с грохотом приземлился за своим Создателем, нависнув над ним. Люди сразу засуетились, задержались и заохали, появилось волнение. Те, кто стоял ближе всего устремились назад, могла начаться давка, но Ноки вовремя вмешался и вновь обратился к людям, а Вормер тем временем полез за экзоскелетом.

– Так! Мои друзья! Успокойтесь, тише! Ничего страшного не происходит, все нормально! – после того как толпа более-менее притихла и сосредоточила внимание на Ноки, он посмел продолжить. – Итак, познакомьтесь – это Зверь, предводитель наших союзников лафарантов, дальше пусть лучше он обо все расскажет, – Закончил Ноки и прыгнул к Вормеру, чтобы помочь.

– Ну, что ж, я приветствую каждого из вас..., – обратился к мастерам лафарант, и далее начал рассказывать все ту же

историю о том кто он, зачем он здесь и кем создан. Мастера все внимательно слушали, хотя им трудно было сдерживать свое недоумение и шок. Они задавали много вопросов, из-за чего потратили приличное количество времени. Однако Зверь все-таки подошел к той части собрания, где будет продемонстрировано создание его собрата и нового союзника.

– Лори, – позвал лафарант девушку, как будущего «Создателя». Она встала рядом с машиной, – Создатель, – обратился он к парням, и они вынесли экзоскелет на видное место.

У Зверя под корпусом грудной клетки был потайной карман, из которого, собственно, достал гребень. С ним он провел такую же манипуляцию, какую сделал с шарфом Ноки. Изъял из оболочки крупицу души и поместил ее в металлическое тело. Это вызвало у мастеров диссонанс, во всевозможную мистику и байки они не верили, но они верили своим глазам. Кто-то хлопал себя по щекам, кто-то щипал себя за руки, не помогало. Все было реально. При них произошло невероятное явление, толком не поддающееся объяснению, что-то за гранью. И эти существа – результат этого явления – были на стороне мастеров, верные союзники, готовые сражаться и помогать им. Это ли не доказательство силы Лутума.

Лафаранта Лори, Зверь прозвал Гекса. Итогом этого собрания была поддержка народа, а с такими союзниками они уже не так сильно боялись идти в бой. Революции быть. По-

сле демонстрации, заведенные люди вернулись к работе. Теперь у них горели глаза, теперь каждый мечтал о переменах и представлял, как смело он будет бежать в бой и сражаться за будущее. Революционеры смогли разжечь огонек надежды, в истерзанных сердцах этих людей. Дальше – больше.

Когда большинство людей ушло, Вормер бросился к сестре. Она стояла около выхода, опершись на стену и смотря в пустоту с широко открытыми глазами. В голове у нее была «каша», ее мировоззрение сменилось буквально за час, и девушка толком не могла понять, что это вообще только что было?

– Кассель! – позвал ее брат, подбежал и обнял, благодаря чему, она вышла из ступора и, сориентировавшись, обняла его в ответ, – я так рад тебя здесь видеть. Скажи, как оно тебе?

– Если честно, я в шоке, до сих пор не могу отойти. Все, действительно серьезно.

– А как же. Мы все изменим вместе с лафарантами. Кстати, тебе тоже нужно свое творение.

– Не-не-не, не надо. Забыл? Я и к Зверю еще не привыкла.

– Да, точно.

– Но думаю, я смогу помочь вам вот этим, – она достала из кармана два сложенных листа. Вормер заметил, что один исписан какими-то заметками и небольшими корявыми рисункам, все явно было запечатлено на скорую руку. А второй листок был с нотами. Кассель сконцентрировала внимание

именно на втором, – думаю, это сойдет за наш гимн.

Вормер улыбнулся и слегка приобнял ее за плечи.

– Да, это, безусловно, поможет общему настроению среди людей.

– Проверим, сегодня вечером сыграю это в «улье».

– Буду ждать.

С каждым днем, вдохновляющие речи распространялись все быстрее, а вместе с этим пополнялся состав новыми лафарантами. По началу мастера побаивались всех этих резких перемен, однако, довольно быстро перешли на сторону революционеров. Злость и усталость оказались сильнее страха, и, судя по их реакции, им не хватало всего лишь небольшого толчка, чтобы начать перестройку. Благодаря подземным коридорам было намного проще распространять призывы к революции. Началась активная пропаганда через различные собрания и лозунги, для которых революционеры звали ораторов. Ноки и сам неплохо говорил, поэтому подобных людей мог находить с легкостью. Они давали им указания, что говорить, а дальше только время. Также писали призывы на старых кусках пергамента и раздавали.

Еле идущий после тяжелой смены на заводе мастер натывается на стоящего в тени мальчишку. Проходя мимо него, работяге протягивают интересный кусок пергамента. Получивший его мастер видит на нем «запрещенный» флаг и читает: «снова измотаны до смерти, заморены голодом и заставили очередную смерть на своем производстве. Ты вновь отдал

все свои силы на этот непосильно тяжелый труд, свое время, свое здоровье, а что получил в обмен от Суммума? Ты действительно хочешь продолжать существовать и оставаться рабочей единицей и слугой для них? Или ты хочешь жить? За ответом для самого себя приходи в сектор 8, ориентируйся по медной проволоке». Прочитав, мастер оборачивается и начинает оглядываться, вот только маленького посыльного уже и след простыл.

Пожилой и повидавший жизнь мастер, выходя из своей каморки хромая, день ото дня отправляется на «свое законное место», позволяя себе лишь наслаждаться воспоминаниями о своей молодости, которую он полностью посвящал их будущему. И каждый раз, вспоминая это кровавое поражение, в горле у него вставал ком, но любые горевания об ушедших друзьях и близких будут восприняты в штыки и начнут караться. Вот он проходит один коридор, поворачивает и проходит второй, третий... И вроде бы все как обычно, да только стены увешаны какими-то бумажками, должно быть новое постановление, директива или оброк, но нет. Несмотря на бельмо на глазу, мастер все-таки рассматривает запись и не может поверить. Старые агитационные плакаты, которые он своими же руками развешивал когда-то, но до сих пор помнит каждую надпись, каждый призыв и этот символ сердца в углу. Однако рядом с ними, старец замечает новые, свежие: «Только вперед! Это НАШЕ будущее!», «Мы хотим жить! Просто жить!», «За твоего отца и мать ответит

каждый», «Не забытое прошлое, светлое настоящее, благое будущее!», «Да прибудет процветание у людей и машин!». И больше, узревший ужас войны, не сдерживал слез.

Раннее утро, на шахтах вновь грядет тяжелый день. От этой работы, люди буквально задыхаются и уже у каждого, в свои пятнадцать лет, появляется хронический кашель и больные спины. Вот только сегодня работа почему-то приостановлена, «шахтовики» стоят без топлива, с неработающими двигателями, а на близстоящем металлургическом заводе происходит какое-то движение. Мастера сбежались со всех своих рабочих мест и стоят, внимая речи троих революционеров, один из которых признанный их союзник на века. И чем сильнее речи, тем больше реакция народа. Они восклицают и поддерживают, они готовы идти с ними.